Глава 229: Ибо эта Воля может принадлежать только дьяволам!

Заклинание Собственной Воли — техника Конклава Ли Клана. В этой технике собственная воля — это ключ, культивирующий магию. Вдобавок, если натренировать ее до непревзойденного уровня, тогда во время Отсечения Души или просветления Дао можно будет завладеть Кармой. Это была скорее не техника, а трактат, но не целый свиток-трактат, а его фрагмент. В любом случае, даже этого короткого пассажа хватило, чтобы стать техникой Конклава Ли Клана.

Мэн Хао изучил ее вдоль и поперек. Изменившись в лице, он взмахнул рукой и заставил нефритовую табличку исчезнуть. Вскоре на тропинке впереди показался бегущий Бай Юньлай. Он по всей форме почтительно приветствовал Мэн Хао. После случая с Лю Яньбином в присутствии Мэн Хао Бай Юньлай стал по-другому вести себя. Они по-прежнему были близки, но сейчас их разница в статусе была особенно заметной, из-за чего их отношения стали немного натянутыми. Мэн Хао несколько раз пытался убедить его вести себя с ним как раньше, когда Мэн Хао только присоединился к Секте. Но после его просьб Бай Юньлай лишь еще больше нервничал. Мэн Хао смирился и теперь позволял ему при каждой встрече приветствовать его по всей форме, и ничего не говорил про его почтительный тон.

Глядя на все эти метаморфозы, Мэн Хао мог лишь бессильно вздохнуть. Теперь он понял, что их прежние отношения уже не вернуть. Его Дао алхимии отдалял их всё дальше и дальше друг от друга, одновременно Бай Юньлай вел себя с ним все более и более формально.

— Грандмастер Фан, это все заказы на сегодня, пожалуйста, взгляните.

Он передал бездонную сумку. Мэн Хао скользнул по ней взглядом, а потом попытался завязать с Бай Юньлаем разговор. Но Бай Юньлай лишь почтительно на него смотрел, отчего Мэн Хао невольно вздохнул. С небольшим кивком он отложил бездонную сумку в сторону. Бай Юньлай заметно колебался, но потом всё же тихо сказал:

— Грандмастер Фан, до начала ежегодного аукциона пилюль остался месяц. Почтенный, я не уверен захотите ли вы участвовать в аукционе или нет…?

— Аукцион пилюль…

Мэн Хао припомнил, что четыре года назад, когда он только присоединился к Секте, проводился аукцион пилюль. Теперь он был довольно известен в Подразделении Пилюли Востока. Аукцион пилюль — место, где мастера-алхимики доказывали свою репутацию. К тому же, во время этого мероприятия разрешалось официально продавать целебные пилюли за духовные камни. Аукцион пилюль проводился ежегодно, но Мэн Хао по тем или иным причинам не в одном не участвовал. Внезапно размеренный ритм его сердца ускорился. Сейчас он являлся довольно известным мастером-алхимиком Секты и ему стало интересно сколько денег можно будет выручить за его пилюли в Южном Пределе.

Мастерам-алхимикам позволялось продавать свои товары под своим именем или инкогнито. Во втором случае, никто, даже члены Секты, не знали кому принадлежат пилюли. Однако на свете нет стены, которая бы могла удержать ветер. Определить авторство пилюли даже Старейшинам будет трудно, но, если Грандмастер Дух Пилюли захочет узнать личность алхимика, ему без труда это удастся.

Мэн Хао что-то неразборчиво пробубнил себе под нос, а потом кивнул. Ему не только хотелось выяснить сколько денег его пилюли будут стоить во внешнем мире, но и пополнить запасы духовных камней. Дублирование Дня Возведения Основания обошлось очень недешево. Даже с выручкой от сделок с учениками Внутренней Секты такие расходы весьма сильно ударяли по

его бюджету. Сейчас у него имелась обширная коллекция целебных трав, а вот духовных камней почти не осталось. От этой мысли Мэн Хао не удержался от очередного вздоха. В детстве он мечтал стать богатым. Спустя столько лет эта мечта осталась такой же недостижимой, как в детстве.

Он проводил Бай Юньлая и хотел было вернуться к размышлениям, как внезапно вдалеке вспыхнул яркий луч света. Внутри летела изящная, стройная девушка. Это была не кто иная, как Чу Юйянь. Проклиная свое невезение, Мэн Хао тяжело вздохнул и быстро скрылся в Пещере Бессмертного.

— Фан Му!!!

Одновременно с ее окриком каменная дверь в Пещеру Бессмертного задвинулась на место. А потом изнутри послышался голос Мэн Хао:

— Фан Му нет дома.

Глаза Чу Юйянь яростно полыхнули. На ее шее взбугрились вены, а сама она стояла у двери в Пещеру Бессмертного и скрипела зубами. За последний год она несколько раз пыталась поймать Мэн Хао, но он либо отсутствовал, либо сидел, запершись в пещере. Словно завидев какого-то демонического зверя, каждый раз при ее появлении он спасался бегством. Это невероятно ее злило. Сквозь стиснутые зубы она процедила:

— Фан Му, ты прячешься от меня, потому что боишься, что люди узнают какой-то твой секрет?!

В каждый свой визит она говорила запертой двери нечто подобное. Она все сильнее верила, что у Фан Му есть какой-то страшный секрет. Такое его поведение в каждый ее визит с новой силой воспламеняла было потухший в ней огонек ярости. При упоминании его имени возвращалось странное чувство раздражение, и ей очень хотелось наложить на этого Фан Му руки.

— То, чего ты не видишь, не может тебя раздражать. С глаз долой из сердца вон, так вроде говорят? — из-за двери в Пещеру Бессмертного донесся голос Мэн Хао

Глаза Чу Юйянь пораженно расширились. Она начала молотить кулаком по каменной двери. Дверь дребезжала, но не поддавалась.

— А теперь уходи, я переплавляю пилюли, — потребовал Мэн Хао.

— Ты выйдешь или нет?

— Кхэ-кхэ, Старшая Сестра Чу, я правда переплавляю пилюли![1]

— Кто это тут твоя "Старшая Сестра"? Я Мастер Тиглей, а ты всего лишь мастер-алхимик. Хочешь отсиживаться за дверью? Посмотрим, насколько тебя хватит.

— Ладно, пусть будет Собрат Даос Чу. Знаешь, в прошлый раз ты сторожила меня у Пещеры Бессмертного целую неделю. Это стало причиной множества клеветнических слухов. Ни мне, ни тебе не пойдет на пользу, если наши собратья по Секте будут нас обсуждать в подобном ключе, разве ты не согласна?

— Ах, ты...

— У меня, Фан Му, нет ни жены, ни нареченной, поэтому я внимательно отношусь к своей репутации. Такого рода слухи недопустимы. Собрат Даос Чу, пожалуйста, не надо бросать тень на мою репутацию. Уходи.

Мэн Хао вздохнул. На самом деле интуиция Чу Юйянь невероятно его пугала. Несколько лет он избегал ее, будучи убежденным, что, если они встретятся лицом к лицу, она обязательно что-то заметит. Если она как-то догадается, что он на самом деле Мэн Хао... ему даже думать не хотелось к каким чудовищным последствиям может привести ее открытие.

Чу Юйянь стиснула зубы и гневно топнула ножкой, после чего развернулась и ушла. Почувствовав ее уход, Мэн Хао с облегчением выдохнул. Его губы скривились в кислой улыбке. Подразделение Пилюли Востока было прекрасным местом, которое омрачала только Чу Юйянь. Пока она рядом, он не чувствовал себя в безопасности. "Если она продолжит досаждать мне, тогда придется придумать способ с ней разобраться..." Его глаза холодно сверкнули, на лицо вернулось его дежурное спокойное выражение, а мысли о Чу Юйянь отошли на второй план.

Взмахом руки он вызвал земное пламя в Пещере Бессмертного. Прямо над источником огня возникла алхимическая печь с тремя выгравированными журавлями. Алхимическая печь покраснела от жара, а три журавля стали цвета крови. Казалось, что они могут вспорхнуть с поверхности печи в любую секунду. Пугающее зрелище. Мэн Хао выменял эту печь Кровавого Журавля у бывалого мастера-алхимика за большую коллекцию целебных пилюль и трав. За время использования он успел к ней привыкнуть. Печь быстро краснела, но Мэн Хао стоял в стороне, не обращая на нее внимание. Выглядел он задумчиво.

— Какую пилюлю переплавить на аукцион пилюль... — размышлял он.

В его голове потоком проносились сотни алхимических рецептов, но ни один из них не привлек его внимания. Прошло достаточно времени, чтобы успела сгореть палочка благовоний. Алхимическая печь полностью окрасилась в цвет крови, кровавое сияние залило всю Пещеру Бессмертного. Внезапно глаза Мэн Хао заблестели.

— Я переплавлю ядовитую пилюлю!

Согласно пониманию Дао алхимии Мэн Хао, ядовитые пилюли обычно не имели рецепта, который можно было передать другому алхимику. Их обычно создавали случайно или по воспоминаниям мастера-алхимика. Это предотвращало передачу любых неразрешенных формул. Ядовитые пилюли считались своего рода табу. Тем не менее, большинство мастеров-алхимиков исследовали данный вопрос и так или иначе переплавляли такие пилюли. Мастера-алхимики делали это не только, чтобы доказать свой навык в Дао алхимии, но и показать глубокое понимание трав и растений. Только с дотошным знанием различных трав и растений можно изготовить уникальную ядовитую пилюлю, авторство которой будет принадлежать лишь одному алхимику; пилюлю, созданную одним человеком, эффект которой не по силам будет рассеять и десяткам тысяч людей. Все мастера-алхимики хотели создать нечто подобное.

Мэн Хао сделал глубокий вдох и сел в позу лотоса у алхимической печи. Он позволил жару проникнуть в каждую клеточку его тела, а потом закрыл глаза и принялся медитировать в тишине. Шли дни. Огонь по-прежнему горел. Печь Кровавого Журавля ни капли не потемнела, всё это время она сохраняло свой ярко-красный цвет. Семь дней спустя Мэн Хао открыл глаза. Они решительно блеснули.

— Эта ядовитая пилюля будет не для врагов, а для себя. Яд, и в тоже время не яд. Снадобье, и в

тоже время не снадобье. Такая пилюля…

Он мысленно перенесся в государство Чжао, тогда при убийстве Шангуань Сю у него была жемчужина Маленького Тигра. Эта жемчужина повышала Культивацию на одну ступень. Благодаря ее помощи Мэн Хао смог открыть древний путь, ведущий на десятую ступень Конденсации Ци. Сейчас у него перед глазами стояли воспоминания того поединка. Жемчужина обладала пугающей силой и произвела на Мэн Хао глубокое впечатление.

— Проколи меридианы Ци во всем теле; изруби их на множество кусков; преврати тело в сокровище; раскрой настежь грудь; раздави разум; собери вместе десятки миллионов намерений убить; взорви Дао Колонны внутри Ядра Моря; уничтожь душу жаждой убийства; соедини смертную душу с духами; используй силу убийства, дабы разрушить сознание; разум и Ядро Море в миг сливаются в ничто; эта безумная Дьявольская Воля превратится в губительное сердце; оно заставит Культивацию подняться до небес! Это не сжигание души, это нечто большее! Эта пилюля… будет зваться Пилюлей Одержимости! Ибо эта Воля может принадлежать только дьяволам!

Залитые кровью глаза Мэн Хао ярко блестели. Правой рукой он схватил бездонную сумку и взмахнул ей перед собой. В миг перед ним возникли десять тысяч вариаций целебных трав. Со стороны всё действо в залитой кровавым светом пещере выглядело, как какая-то дьявольщина. Руки Мэн Хао двигались с невероятной скоростью, отбрасывая на стены пещеры танцующие тени. Весь разум Мэн Хао, вся его энергия вливались в алхимическую печь. Он стимулировал рост и превращал целебные травы в порошок; он создавал гибриды только ради одного особо корешка.

С тех пор, как Мэн Хао начала изучать Дао алхимии, за всё то время, что он переплавлял пилюли, он никогда не чувствовал такой одержимости. Впервые он использовал весь без остатка свой талант Дао алхимии, весь свой талант травник. Его волосы растрепались, но его это не волновало. Он с головой ушел в процесс переплавки пилюли. Все свои желания он вложил в Пилюлю Одержимости. Словно он сам был одержим дьяволом!

За все время культивации Дао алхимии Пилюля Одержимости оказалась… первой пилюлей придуманной и изготовленной самим Мэн Хао!

У этой пилюли нет рецепта, он ей просто не нужен. Эта пилюля хранит в себе истинную волю мастера-алхимика, ведь ее создали под влиянием этой самой воли. Вот почему невозможно оценить ее истинную стоимость. Если бы сейчас Мэн Хао увидел Мастер Тиглей, он бы наверняка спятил.

В Культивации, как и в Дао Алхимии, существует просветление. Духу Пилюли доводилось испытывать подобное просветление, как и двум другим Грандмастерам Южного Предела. Некоторым Пурпурным Мастерам Тиглей могло повезти испытать его один раз в жизни, все зависело от их удачи.

В этот момент Мэн Хао испытывал алхимическое просветление! Единственная и неповторимая пилюля, созданная в результате алхимического просветления, была чудом, словно ее создали сами Небеса!

[1] «Чу» из Чу Юйянь в одном из значений переводится, как "розга для наказаний", какая ирония.